

**Управление,
самоуправление
и механизмы взаимодействия
власти и общества**

УДК 352.07

Бобров Денис Сергеевич,
Алтайский государственный университет,
BDS-eureka@yandex.ru

**Наказные памяти приказчикам
крепостей Верхнего Приобья
в конце 10-х – начале 30-х гг. XVIII в.¹**

Аннотация: Статья представляет собой попытку систематизированного анализа типологических особенностей наказных памятей как разновидности исторических источников стадии разложения в Российской империи феодальной системы права. Источниковый корпус исследования представлен ранее не опубликованными документами из фондов Российского государственного архива древних актов. На материалах конкретного локального района (Верхнего Приобья) в период наибольшей экспансионистской активности государства прослежены ключевые структурные и проблемно-тематические элементы наказных памятей. Соответствующие акты рассмотрены в контексте не только функционального статуса и правоприменительной практики приказчиков острогов Верхнего Приобья, но и иерархии законодательных (регламентирующих) материалов региона. Концептуальной основой работы являются утверждение об изучении наказных памятей как о важном условии экспликации отдельных компонентов управленческой доктрины освоения Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. и реконструкции общего взгляда властей различного уровня на задачи администрирования в этой области. Автор приходит к выводу о том, что в административно-правовой среде Верхнего Приобья унификация нормативно-правовой базы деятельности управленческих структур началась лишь в конце 20-х гг. XVIII столетия и не являлась следствием механического копирования управленческого опыта сопредельных локальных областей. До этого момента содержание наказных памятей соотносилось с динамикой

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Ю.А. Никитина в рамках реализации социального гранта «Особенности управления территорией Верхнего Приобья в первой половине XVIII в.».

социально-политической обстановки на юге Западной Сибири, а в самих документах приказчикам давались четкие распоряжения относительно характера, путей организации материально-технического снабжения и обороны крепости. Полученные данные способствуют более глубокому пониманию природы, а также принципов взаимоотношений низовых и локальных (воевод и приказчиков) звеньев системы управления в Сибири в целом; иллюстрируют способность воевод анализировать административные потребности удаленных от уездного центра острогов и слобод, разрабатывать документы законодательного и распорядительного характера.

Ключевые слова: наказные памяти, приказчики, воеводы, власть, феодальное право, законодательное регулирование, управленческая доктрина, инструкции, крепости, Верхнее Приобье.

В современной отечественной исторической науке при сохранении устойчивого интереса к административно-институциональным проблемам наблюдается активизация обращений исследователей к вопросам нормативно-правовой (законодательной) регламентации функционального статуса управленческих структур. Законодательство и система управления являлись двумя ключевыми и, при этом, непосредственно связанными между собой механизмами государственной политики освоения Российской империей окраинных территорий. Планомерное разложение феодального права под влиянием политических и социокультурных модернизационных импульсов начала XVIII в. ярко иллюстрирует специфику адаптации органов власти различного уровня к менявшимся административным реалиям. Кроме того, как через законы, так и – подзаконные нормативно-правовые акты возможны не только реконструкция трехуровневой (центральный, региональный и местный уровни) доктрины освоения (хотя для некоторых регионов она была весьма условной, и в этих случаях справедливо говорить лишь об отдельных элементах подобной доктрины или протодоктрине), но и прослеживание путей, способов, а также методов ее ретрансляции и реализации органами власти на местах.

Историческое развитие Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) достаточно четко вписывается в обозначенные концептуально-методологические характеристики. Активное освоение региона началось лишь в первой половине XVIII в. и являлось составным элементом реализации имперской идеи экспансии на юг Западной Сибири с целью достижения стратегически обусловленных границ¹. И если большинство обстоятельств фактического характера (сооружение острогов и крепостей, численность и порядок ротации

---

¹ Более подробно о типологии государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири в XVIII в. см.: Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии / Военно-ученый комитет Генерального штаба. СПб., 1873. С. 5–6, 9–10; Военная энциклопедия / под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого. Т. 8. СПб., 1912. С. 161–162.

гарнизонов и др.) нашли детальное отражение в специальной литературе [1, с. 3–24; 2, с. 95–96; 3, с. 91–94; 4, с. 92–93; 5, с. 31–71; 6, с. 40–67; 7, с. 15–46], то вопросы содержания политико-правовой регламентации деятельности местных властных структур Верхнего Приобья (как важнейшего микрорайона области Верхнего Обь-Иртышья), безусловно, нуждаются в дополнительном освещении. В таком случае на материалах Верхнего Приобья может быть иллюминирована специфика генезиса гетерогенных элементов управленческой среды в приграничных, переходных зонах или, иными словами – гибридный вариант развития локального звена административно-институциональной сферы. Идея «гибридности» основана на положении о характерном для восточных регионов России явлении эпигенеза, когда воспроизводились лишь формальные черты административных структур, имевших на правоприменительном уровне крайне мало общих черт с общеимперскими органами власти [8, с. 36–38; 9, с. 225–226].

Низовыми звеньями системы управления Верхним Приобьем в конце 10-х – 30-х гг. XVIII в. являлись приказчики острогов (Белоярского – возведенного в 1717 г. в нескольких сотнях километров выше истока Оби, а также Бикатунского, построенного в 1718 г. непосредственно на слиянии Бии и Катуня [6, с. 45–65]). В историографии постепенно утвердился взгляд на сибирских приказчиков XVII – начала XVIII в. как на институциональные рудименты кормленной системы [10, с. 47–48]. Согласно подобной точке зрения эти локальные органы власти не просто тотально контролировали формальную сторону функционирования сельской общины, но и систематически использовали служебное положение в личных целях, совершая многочисленные финансовые нарушения и находясь под легитимирующим протекторатом воеводы [11, с. 82]. Определенные дискуссии в рамках данной проблематики вызывает лишь вопрос о взаимоотношении приказчиков с органами крестьянского самоуправления. Утвердившиеся в качестве наиболее рациональных схожие позиции Н.А. Миненко и В.А. Александрова сводятся к взаимовлиянию приказчика и крестьянского мира, возможности последнего оказывать непосредственное воздействие на деятельность приказчика [12, с. 58; 13, с. 11]. В качестве некоего альтернативного подхода к определению природы и целей приказчиков как органа управления может быть названа идея априорной важности военно-оборонительной составляющей в деятельности приказчиков при обеспечении этой задачи консолидированным согласием самого управленца и поднадзорного ему населения (как русского, так и ясачного) [3, с. 91; 14, с. 185]. Кажущееся противоречие может быть снято в случае экстраполяции первого взгляда на центральные области Сибири, а второго – на окраинные, периферийные районы. В деятельности приказчиков Верхнего Приобья в конце 10-х – начале 30-х гг. XVIII в. прослеживались три ключевые функции: оборонно-снабжение, административно-хозяйственная и судебно-полицейская [15, с. 115]. После 1726 г. рационально говорить о расширении правового статуса управленцев и появлении промульгационной

функции, хотя последняя может быть отнесена к судебному направлению [16, с. 49], и ее роль в компетенции приказчика была условной.

В основе законодательного регулирования деятельности приказчиков лежали такие документы как «наказные памяти». Вопрос и типологических особенностях этого вида источников является открытым. По содержательному замечанию Е.А. Тимохина «наказные памяти» также могут быть названы «воеводскими памятьми» [17, с. 102]. Л.В. Самбуева в качестве соответствующего синонима небесспорно использует категорию «воеводский наказ» [18, с. 11]. В источниках по истории Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) упоминание «наказная память» можно встретить лишь в первые годы после строительства острога, и эти случаи немногочисленны. В основном же массиве материалов используется обозначение «память», однако характер, также как и структура двух документов являлись во многом тождественными. «Наказная память» – термин, образованный путем соединения двух понятий: «наказа» и «памяти». Среди региональных историков одним из первых категорию «наказная память» употребил С.Ю. Исупов [19, с. 13–15]. Подобное исследовательское решение представляется удачным, поскольку соответствующие акты, под которыми ставили свои подписи приказчики, соединяли в себе характеристики обоих видов документов. Если «памяти», как правило, поясняли четко определенную административную задачу, имели незначительный объем и предназначались служилым людям для конкретизации целей их деятельности в том или ином районе Верхнего Приобья, то наказания подробнейшим образом описывали функциональный статус органа управления.

Вообще «наказы» как особый тип документов выдавался воеводам, а затем и земским комиссарам в качестве инструментария легитимации их административного статуса [20, с. 68]. Являясь законодательным актом, «наказы» воеводам априорно были обязательны для исполнения уездным административным звеном. Появление в соответствующих документах многочисленных пунктов [21, с. 75] не стало помехой для унификации нормативно-правовой базы низового звена управления в конце XVII – начале XVIII в. [11, с. 107; 21, с. 79]. Это полностью вписывается в оценку В.А. Александровым и Н.Н. Покровским административного аппарата на местном уровне как «неповоротливого, некомпетентного и безынициативного» [22, с. 355].

В свою очередь, наказные памяти представляли собой особый вид подзаконных нормативных актов. Причем, если судебные инструкции можно отнести скорее к делопроизводственным материалам [16, с. 47], то документы, легитимирующие власть приказчиков – именно к законодательству. Главным аргументом здесь может стать установление наказными памятьми принципов местного управления и определение должных пределов надзора и способов юридической защиты местного населения [18, с. 12].

Наказные памяти приказчикам острогов Верхнего Приобья в конце 10-х – начале 30-х гг. XVIII в. составлялись кузнецким воеводой с максимальным

учетом специфики административно-хозяйственного и военно-политического положения крепости. Этого требовал характер военно-политической обстановки в Верхнем Обь-Иртыше. Изменчивость последней обуславливала динамику содержания наказных памятей. Четкий формуляр у документа отсутствовал. Порядок расположения смысловых элементов внутри самих памятей является иррациональным. Тем не менее, в структуре подобных документов представляется возможным выделить 4 смысловых блока или сегмента. Очевидно, утвердившись единожды, последовательность изложения в дальнейшем уже не претерпевала кардинальных трансформаций, а изменялись лишь внутреннее устройство каждой части, ее формат и объем. Показательным является тот факт, что для Верхнего Приобья объем памяти зависел от даты сооружения острога: чем больше времени проходило с этого момента, тем уже, компактнее становилась наказная память¹.

Базовым структурным элементом наказной памяти являлось перечисление материально-технического инвентаря крепости: воинского оснащения, денежной казны и документов, хранившихся в приказной избе. Причем если для остальных районов Западной Сибири характерен приоритет именно финансово-хозяйственной составляющей, то для Верхнего Приобья четко просматривается значимость оборонно-снабженческой составляющей. Воеводами в первую очередь характеризовались воинские орудия и оснащение, а в случае немногочисленности таковых перечислению подлежало все, находившееся в остроге: «две пушки болших железных ядер ... железных полутуру пуду, три пушки малыя железных ядер[,] пороху пушечного пять пуд[,] ручного пуд пятнадцать оутов»². Это решение кузнецких воевод нельзя назвать бесосновательным, поскольку Белоярский и Бикатунский остроги находились в пограничной с Джунгарским ханством зоне, а уже случавшаяся потеря материально-технического оснащения крепости заставляла уездные власти более скупуплезно подходить к решению данного вопроса.

Далее следовала характеристика сферы компетенции приказчика. На ключевую роль здесь выдвигалось поддержание общественного порядка внутри крепости. Управленцу предписывалось среди прочего в остроге «ведать ... всяких чинов людей», что позволяло ему осуществлять административно-хозяйственную, полицейскую и теоретически даже судебную функции. В этой формулировке кузнецкий воевода в сжатой форме излагал суть пунктов 2 и 5 данного ему в 1721 г. «наказа»³.

В третьем сегменте содержалось четкое, детальное описание предполагаемых действий приказчика по поддержанию безопасности крепости: «А военный снаряд, пушки, порох и свинец блюсти опасно, чтоб против неприятеля всегда быть в готовности также и у служилых людей во все дни руже, порох и пули патронных сумках осматривать чтоб руже было

---

¹ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–11об., 43–46, 49–50.

² Там же. Л. 43.

³ Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 2. СПб., 1885. С. 352–353.

чисто ... остры и напрасно не стреляли и от неприятеля имели великое опасение»¹. Иногда воеводы указывали приказчикам даже на конкретные последовательность осуществления разведывательных действий вблизи крепости и поясняли необходимые принципы поведения с ясашным населением².

В завершении наказной памяти указывалось на применение возможных санкций к приказчикам. Любопытно, что, как правило, в документе свое отражение находил широкий перечень возможных правонарушений и преступлений управленцев: неисполнение или нарушение вышестоящих указов, осуществление торговых операций лично приказчиками, отправка поднадзорного населения в ясачные волости для торговли, причинение ущерба или покупка служилых людей. Вместе с тем, элементы административной доктрины, представленные в наказных памятях, не стоит абсолютизировать. Формулировка «против Государева указу» вовсе не означала, что любые действия соответствующих органов управления, выходявшие за рамки наказной памяти, считались преступными. Самым потенциально тяжелым правонарушением приказчика считалась сдача крепости. Только в этом случае в памяти говорилось о казни соответствующего управленца и конфискации его имущества: «крепость воинским людям калмыкомь отдаш и про то сыщетца и тебе за то от великаго государя учинены будутъ смертная казнь, а имение твое движимое и недвижимое взято будет на великаго государя»³. Воеводы, безусловно, учитывали неудачный опыт первой Бикатунской крепости, сожженной отрядом джунгар в 1710 г., а также прямые указы императора и губернатора о недопустимости сдачи крепости⁴.

Начиная с середины 20-х гг. XVIII в. наблюдается планомерная, постепенная унификация наказных памятей. Усиление контроля региональными и кузнецкими властями за объективно активизировавшимся процессом освоения в Верхнем Приобье снимал с повестки дня острую потребность в индивидуализации наказных памятей и их адаптации к ситуации в самой крепости и вокруг нее. В результате одна из немногих сохранившихся поздних наказных памятей 1729 г. на первое место выводила уже делопроизводственные проблемы «принять ... имеющиеся во оной крепости указы и дела и таможенную скаску», при этом практически ничего не говорилось про артиллерию, а боезапасы и боезаряды вообще не упоминались⁵. Наказные памяти к этому времени сократились в своем объеме более чем в два раза и не стали превышать рамки и формат краткой

---

¹ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 44.

² РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 5-а. Л. 56.

³ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 17-17 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1134. Д. 6. Л. 35; Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 2. СПб., 1885. С. 352.

⁵ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1-а. Л. 31-31об.

должностной инструкции, имевшей крайне мало (за исключением формальной) общих черт с законодательством.

Наказные памяти приказчикам крепостей Верхнего Приобья как и большинство других документов первой четверти XVIII в. не являлись полностью оригинальными. Это было в принципе невозможно в условиях сохранения в Российской империи XVIII в. многочисленных элементов феодального права. Наказные памяти испытали на себе определенное воздействие Петровского Наказа воеводам 1719 г. и наказа кузнецкому воеводе Б. Синявину 1721 г., однако, влияние этих документов не стало решающим. Доля механически заимствованного текста не превышала 1/5 объема памяти, оставшиеся части – продукты, так или иначе переработанные и видоизмененные воеводой. С другой стороны, неся отпечаток своеобразной «традиции», все наказные памяти содержали отдельные «обязательные» обороты. Так, фраза «буде ... против Великаго Государя указу и данному тебе наказу крепость воинским людем калмыкомъ отдашь» вообще не претерпела ни малейшего текстологического вторжения, начиная с 1717 г. и вплоть до окончания первой половины XVIII в.

Тем не менее, наказные памяти приказчикам острогов Верхнего Приобья в конце 10-х – начале 30-х гг. XVIII в. не следует считать архаизирующим звеном в законодательстве и развитии системы управления; наоборот, с их помощью на законодательном уровне на ранних этапах освоения выстраивалась четкая иерархия, своеобразная «программа» функционирования приказчиков, в которой дифференцировались различные направления их деятельности и ранжировалась степень значимости той или иной сферы. Стремление к должному законодательному обеспечению управления выражалось в адаптации подзаконных актов под конкретные потребности администрирования. Для Бикатунской и Белоярской крепостей конкретизация и расширение наказных памятей были основаны на попытке управленцев предугадать и предусмотреть действия в экстраординарных ситуациях (случаи прямого контакта и даже открытого конфликта с джунгарами или телеутами). Естественно, что наказные памяти не могли предвидеть и регламентировать всего спектра потенциально возможных отношений (строго говоря – это и не являлось главной целью документа), однако, будучи продуктом деятельности воевод, они демонстрировали определенную мобильность управленческой доктрины, ее способность к учету конкретно-исторических и геополитических реалий локального района.

Список литературы

1. Булыгин Ю.С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма: межвуз. сб. науч. ст. / ред. колл. А.П. Бородавкин, В.А. Скубневский, Ю.С. Булыгин (отв. ред.). Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1986. С. 3-24.

2. Исупов С.Ю. Динамика изменений численности гарнизона Бийской крепости в первой половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири.

Восьмые науч. чтения пам. проф. А.П. Бородавкина: мат. конф / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. С. 95–96.

3. Исупов С.Ю. Роль Бийской крепости в военно-колониционной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: история, политология. Барнаул, 2010. №4/3. С. 91–94.

4. Исупов С.Ю., Васина И.И. Основание первых поселений военнослужащих на Колывано-Кузнецкой укрепленной линии во второй половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: мат. всерос. науч. конф. / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. С. 92–93.

5. Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.Р. Муратова; Башкирский гос. ун-т. Уфа, 2007. 241 с.

6. Огурцов А.Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2007. Вып. 9. С. 40–67.

7. Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. 80 с.: ил.

8. Зубков К.И. Региональная история: проблемное поле и методологические перспективы // Региональные модели исторического общего и профессионального образования: сб. науч. ст. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. С. 31-41.

9. Бобров Д.С. К вопросу о предпосылках становления «Региона Колывано-Воскресенского горного ведомства»: общетеоретические аспекты // Тобольск научный – 2013: Материалы X всерос. науч.-практ. конф. Тобольск: Тобольская типография филиал ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. С. 224–227.

10. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: АЦ, 2003. 408 с.

11. Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск: Изд. Дом «Сова», 2005. 264 с.

12. Александров В.А. Возникновение сельской общины в Сибири в XVII в. // История СССР. М., 1987. № 1. С. 54–68.

13. Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1991. 265 с.

14. Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут: Алетейя, 2011. 432 с.

15. Бобров Д.С. Институт приказчиков в системе управления территорией Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: история, политология. Барнаул, 2013. №4/1. С. 114–118.

16. Бородина Е.В. К вопросу о нормативной регламентации деятельности судебных комиссаров на Урале и в Западной Сибири в 1722 – 1726 гг. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. материалов регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2007. С. 45–51.

17. Тимохин Е.А. Законодательная основа деятельности служилых людей Западной Сибири: структура норм, взаимосвязь и механизм функционирования // Вестник Томского государственного университета. Серия: история. Томск, 2012. №4(20). С. 102–105.

18. Самбуева Л.В. Наказные памяти как нормативно-правовой акт феодального права // История государства и права. М., 2005. №7. С. 10–12.

19. Исупов С.Ю. Приказчики и коменданты Бийской крепости // Бийские градоначальники: исторические очерки / отв. ред. В.В. Буланичев. Бийск: типография Бийского пед. гос. ун-та, 2002. С. 11–21.

20. Вершинин Е.В. Воеводские наказы в Сибири конца XVI – XVII в. // Источниковедение массовых источников / отв. ред. С.В. Воронкова. М.: Архивист, 1988. С. 56–70.

21. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.

22. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. / АН СССР, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука Сиб. Отд-ние, 1991. 399 с.